

Движущие силы и динамика исторического процесса

Автор: Л. С. ВАСИЛЬЕВ

Понятие "исторический процесс" очень емко и многогранно. Специалисты понимают и толкуют его неодинаково. Однако некоторые связанные с ним представления на протяжении почти всего XX в. в ряде стран, включая и нашу, едва ли не силой навязывались всем, кто получал образование выше начального. К числу таких представлений относятся постулированные марксизмом и энергично внедрявшиеся армией преподавателей исторического материализма (истмата) способы решения проблемы движущих сил и динамики истории. В чем их суть?

Если использовать сохраняющую свое влияние до сих пор, пусть с некоторыми поправками, теорию общественно-экономических формаций, то оказывается, что именно производство материальных благ - основа динамики истории. А раз так, то следует принять, что единственная движущая сила в историческом процессе - это так называемые производительные силы, то есть вооруженные орудиями и средствами производства люди. В свое время никому в СССР не приходило в голову сомневаться в истинности тезиса К. Маркса, гласящего, что материя первична, а дух и все остальное ("нематериальное") вторично. Но вот незадача: ни Маркс, ни кто-либо из многих миллионов его последователей не потрудились объяснить, как работает вечно движущийся вперед механизм производительных сил. Считалось само собой разумеющимся, что люди, начиная с тех, кто в глубокой древности первым "взял" в руки примитивнейшее каменное рубило либо топор, понемногу, обретая опыт и выдумывая более подходящие орудия и средства производства (либо войны), со временем дошли до автомобиля, радио, телефона, самолета, ракеты, атомной бомбы, электроники и т.п. Лишь насытившись, одевшись, обогрвшись в домах, получив полное материальное обеспечение, люди могли спокойно заниматься всеми прочими "нематериальными" делами (в марксизме они именуются "надстройкой" над фундаментом, то есть производством).

В чем порок этой теории? Достаточно чуть задуматься (чего не разрешалось делать, например, не только в СССР, но и в КНР, где обществоведение тысячелетиями считалось единственной достойной образованного человека отраслью знания), чтобы понять: все далеко не так просто. В самом деле: что побуждало людей менять одни орудия производства на другие, лучшие, и откуда эти последние брались? Что способствовало переходу тех либо иных общностей от примитивного использования даров природы к производству пищи в результате неолитической революции? Ведь если все было так просто (развиваются производительные силы - и дело с концом; какой еще вам механизм нужен?), что привело к неолиту? А ведь это действительно был революционный перево-

В а с и л ь е в Леонид Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Государственного университета - Высшей школы экономики.

рот¹, хотя он и занял несколько тысяч лет. И непонятно, как объяснить его, не обнаружив какой-то еще внутренний действовавший фактор в столь гладкой и вроде всем понятной теории вечно и как бы равномерно саморазвивающихся производительных сил².

Но для этого надо вступить в спор с марксизмом по едва ли не важнейшему для этого учения пункту: что первично, материя или идея? Все дело в том, что первичной все же всегда была не материя, не некие самосовершенствовавшиеся, пусть даже при участии человека, материальные производительные силы. Напротив, *механизм развития* этих сил находился в человеке, причем не в человеке труда (ох как любил пользоваться этим термином исторический материализм!), взявшего когда-то палку либо камень и научившегося орудовать ими, на что способны и обезьяны, но в *человеческом разуме*. И далеко не случайно история человечества - это прежде всего история Homo sapiens, человека разумного.

К чему сводится механизм роста производства? Он всегда тесно связан с *творческой деятельностью* человека разумного. Но тогда встает другой, не менее важный вопрос: значит ли это, что повсюду и независимо друг от друга, в каждой более или менее значительной популяции и - позже - у каждого народа был свой, равноценный всем остальным творческий потенциал, который совершенно независимо от остального мира двигал вперед производительные силы? Если бы дело обстояло так, все народы шли бы почти равным темпом - разве что с некоторым незначительным отставанием либо опережением - вперед и вперед, от одной формации к другой, как то любили изображать специалисты по истмату. На самом деле очень легко заметить даже в наши дни, что различные народы мира весьма отличаются друг от друга по степени своего развития.

Природная среда или великие идеи?

Обычно считается - и в этом есть немалый резон, - что отставание в развитии связано с неблагоприятной природной средой. Ведь от нее всегда зависело и сегодня зависит очень многое. Но хорошо известно, что при всей важности условий существования только к этому проблема не сводится. На заре истории от природы зависело очень многое, практически все, но позже ситуация постепенно изменялась. В период Нового времени стоило современным людям появиться в местах, где жили отставшие в развитии общности (например австралийские аборигены), как стагнацию сменял прогресс. А ведь аборигены Австралии жили на материке, где немало мест с вполне благоприятными природными условиями. Однако изоляция от остального мира способствовала тому, что их развитие остановилось на весьма низком уровне. Следовательно, для развития нужен постоянный контакт между общностями людей. Почему же он столь необходим? Вот это, что называется, вопрос вопросов.

Все дело в том, что великие фундаментальные открытия, сыгравшие роль решающего толчка в развитии человечества в целом, были, как правило, редкими, уникальными и обычно совершались лишь однажды. Уникален при этом не сам по себе факт открытия, а приведшая к нему идея (например, идея одомашнить злаки либо скот), которая затем путешествовала по миру. В науке это называется культурной диффузией, то есть диффузией идей, которая по вполне понятным причинам тоже объявлена в истмате "буржуазной". Смысл теории диффузии в том, что *все начинается с идеи*. Именно знакомство с той либо иной принципиально новой и крайне важной идеей, распространявшейся в ходе сложного процесса миграций либо метисации, *давало людям, поддержи-*

¹ Стоит напомнить, что советская наука долго, до середины 1960-х гг. не принимала "буржуазную" теорию неолитической революции.

² Существенно заметить, что о какой-либо принципиальной неравномерности в развитии производительных сил теория марксизма никогда не упоминала - неравномерность постулировалась ею лишь применительно к переменам в так называемых производственных отношениях.

вавшим связь с ее обладателями и способным воспринять ее суть, реальную возможность материализовать эту идею.

Например, идея domestikации животных и растений, появившаяся в Ближневосточном регионе в период неолитической революции, смогла реализоваться даже там, где отсутствовали дикорастущие растения и дикие животные, характерные для Ближневосточного региона. Отсутствие их, в частности, не помешало жителям Китая или Мезоамерики одомашнить свои дикорастущие растения, чумизу или маис, и годных для этого диких животных, то есть свинью восточноазиатской породы или ламу. А вот до изолированной от мира Австралии эта идея не доходила.

Таким образом, в основе механизма исторического развития и, в частности, великих фундаментальных открытий лежали *идеи, распространявшиеся по ойкумене*. Эти идеи были вызваны к жизни изменявшимися условиями существования. В этом смысле роль природной среды трудно переоценить: она давала импульс развития. Но вызов, требовавший адекватного ответа, находил его в умах людей, *правда, далеко не всех*. Не все люди и не на всей планете сразу, а кто-то один брал на себя нелегкую миссию дать адекватный ответ на тот или иной вызов. Это были не рядовые люди, каких всегда и везде подавляющее большинство, а редко встречающиеся личности с незаурядным творческим потенциалом, ибо без него ничто новое, принципиально меняющее привычные стандарты существования, не появлялось на свет ни в прошлом, ни в наши дни.

Итак, кто-то придумал сделать каменное орудие более удобной формы. Кто-то другой, быть может, много столетий позже и в совсем другом месте планеты, догадался прикрепить к камню крепкую палку и сделать орудие более эффективным. Кто-то изобрел что-то вроде тачки, а кто-то другой, спустя опять-таки, быть может, века, изобрел колесо и создал из тачки телегу. Позже еще кто-то и где-то запряг в нее тягловое животное. Это значит, что *не опыт и навыки всех людей везде и независимо друг от друга создавали что-то новое*. Творческий потенциал, разум немногих наиболее способных всегда лежал и поныне находится в фундаменте развития человечества. Именно он, этот *потенциал немногих*, всегда являлся великой движущей силой исторического процесса.

Здесь надо обратить внимание на то, что люди никогда не были и просто не могут быть одинаковыми. Напротив, они не равны друг другу по многим параметрам, включая и творческий потенциал. Неравенство - общая норма, некий закон природы. При этом, однако, следует иметь в виду, что интеллектуальное неравенство играло не слишком значительную роль в догосударственной древности. Оно обычно непротиворечиво вписывалось в систему сложившихся отношений, причем индивиды, наделенные креативной силой, редко получали взамен своих идей что-либо, кроме подчас немалого престижа. Их имена часто забывались, а открытия достаточно быстро становились интеллектуальной собственностью их коллективов, осваивавших нововведения в условиях новых вызовов. Справедливо ли это? Конечно, да.

Справедливо потому, что в те далекие времена коллектив являлся главным гарантом существования каждого. Все было практически общим в рамках коллектива, будь то локальная группа, семейно-клановая ячейка или даже общинная деревня. И неважно, кто что придумал. Много существеннее было то, что придуманное оказалось полезным нововведением, быстро освоенным всеми. Оно становилось *коллективным достоянием*. Только с возникновением очагов городской цивилизации, государственности, с появлением письменности имена тех, кто обладал незаурядным творческим потенциалом, стали запоминаться, а позже - это касается наиболее прославившихся героев, правителей, мудрецов-пророков и прочих выдающихся интеллектуалов - и почитаться в различной форме.

Творческий потенциал интеллектуалов в истории

Все сказанное побуждает продолжить разговор о проблеме творческого потенциала немногих, обратив теперь внимание не только и не столько на материальное производство, сколько на политическое, религиозно-духовное и интеллектуальное развитие всех

цивилизированных обществ. Советское обществоведение обычно с достаточной долей пренебрежения именовало эту сферу жизни человечества "надстройкой", имея в виду прежде всего вторичность и даже второстепенность ее по сравнению с "базисом", то есть с производительными силами и производственными отношениями (под этим последним термином подразумевались отношения между имущими эксплуататорами и неимущими эксплуатируемыми и как следствие такого деления общества - классовый антагонизм). Между тем едва ли есть весомые основания всерьез сомневаться в том, что именно *сфера духовной жизни, этических норм и культурных традиций*, а также область реальной политики в урбанистических цивилизациях и формировавшихся на их основе государствах были, коль скоро идет речь о развитии общества и динамике исторического процесса, наиболее *важными и первостепенными*.

Вспомним, что самые ранние письменные тексты, как правило, наполнены мифическими и эпическими сказаниями, прославлявшими выдающихся предков и обожествленных героев, которым приписывались великие подвиги и изобретения, а также мудрые заповеди. Эти герои воспринимались чаще всего как основатели культурной традиции, а их имена были хорошо известны. Позже, по мере становления и развития очагов ранней урбанистической цивилизации и государственности, стали появляться прославляемые при жизни успешные правители и мудрецы-пророки. Значимость построений мудрецов вне всяких сомнений. Именно они, эти со временем все более почитавшиеся мудрые теоретики, учили людей верить в некую созданную ими религиозно-духовную систему представлений о мире, а также жить по определенным правилам и соблюдать необходимые этические нормы, что было особенно важно в больших государствах со сложной социальной структурой.

Большинство из этих мудрецов стали со временем восприниматься в качестве основателей развитых религий (Моисей, Зороастр, Будда, Иисус, Мухаммед), хотя некоторые, как Конфуций, прославились прежде всего и главным образом созданием глобальных этико-политических и социально-семейных конструкций. Религии, равно как и учения типа конфуцианства, на тысячелетия определили фундаментальные основы жизни тех или иных стран и народов. Позже на смену великим мудрецам-пророкам пришли интеллектуалы иного склада, разрабатывавшие те или иные духовные, ментальные либо философские идеи. Они закладывали основы развитой культурной традиции в рамках каждой из сложившихся к тому времени основных цивилизаций. Едва ли есть смысл называть имена мыслителей Упанишад, китайских или древнегреческих философов. К числу интеллектуалов еще более поздних эпох относятся сотни и тысячи писателей, поэтов, историков, теологов, знатоков культурных традиций, философов и представителей многих других отраслей знания и интеллектуальных занятий. Еще позже - и прежде всего в Европе - ученых, заложивших основы современной науки и техники.

Все эти люди и были важнейшей движущей силой исторического процесса. Благодаря им и множеству их сподвижников, сотен и тысяч учеников и последователей, в различных обществах и цивилизациях создавался тезаурус культурных традиций, религиозных и иных идей и идеалов, норм повседневной этики и ментальность поколений. Люди с рождения воспринимали эти идеи и нормы (разумеется, в основном лишь в той степени, в какой это было необходимо для их социализации), что и сохраняло социальную стабильность. Разумеется, идеи новых интеллектуалов время от времени вносили в эту стабильность некоторую деструкцию. Иногда она преодолевалась либо вскоре забывалась, иногда способствовала развитию уже сложившихся идей, идеалов и ментальности народов. Но в любом случае духовное, интеллектуальное, ментальное развитие общества составляло важнейшую сторону исторического процесса в целом. Иными словами, процесс этот развивался, прежде всего и главным образом за счет творческого меньшинства, одаренного потенциалом для выдвижения новых идей и интеллектуальных построений, литературных и иных произведений, способствовавших сложению в той или иной цивилизации системы духовных, моральных и иных ценностей.

Интеллектуальная элита и народные массы

Значит ли это, что широкие народные массы не вносили в исторический процесс свой весомый вклад? Отнюдь нет! Но здесь очень важно соблюсти чувство меры. Идеологи советской власти любили популистский лозунг "Народ - творец истории". Ни к чему не обязывающий, он призван был рождать иллюзию, что не "отец народов" и не всесильное политбюро своевольно определяли политику СССР. Предлагалось считать, что в основе основ всегда был, есть и будет народ и его интересы, которые как раз и отражаются в политике "отца народов", даже если он миллионами уничтожает народ в голодоморе или репрессиях. И в связи с этим очень важно всерьез обратить внимание на реалии и определить, что к чему.

Действительно ли народ или, как чаще высказывались у нас марксистские идеологи, народные массы были движущей силой истории? Ответ на этот вопрос безусловен: да, это так. Но когда, как часто и при каких условиях?

Вспомним еще раз, что в длительную эпоху догосударственной древности все великие достижения и фундаментальные открытия легко воспринимались массами людей, реализовывавших полезные новации на практике, причем имена тех, кто делал открытия, как правило, оставались неизвестными либо просто забывались. Это вполне естественно для той отдаленной эпохи, когда роль индивида не была слишком заметной, и он в лучшем случае пользовался престижем среди знавшей его небольшой группы. И в этой ситуации - что вполне естественно и само собой разумеется - народ в целом, не имеющий отчетливого представления о государственной иерархии, был *реальной движущей силой* исторического процесса.

Позже ситуация изменилась. Структура общества, уже знакомого с государством, всегда строилась таким образом, что социум являл собой некое пирамидальное образование с элитой, опиравшейся на массу подчиненных ей людей, которая обычно делилась на неравные разряды. Иными словами, это была иерархическая структура из слоев (страт) управителей и управляемых. И если вначале элита выделялась лишь по политическому признаку, и на традиционном Востоке этот признак оставался основным до наших дней, то на Западе со времен античности ситуация была несколько иной. Наряду с политической элитой верхние этажи пирамиды занимала социальная (наследственная), а несколько позже и имущественная знать. К слову, ни на Востоке, ни на Западе творческая, интеллектуальная элита формально обычно не была обозначена, ибо не являла собой особую страту. Она могла занимать верхние этажи, но могла быть и вне их. Но какова была роль этой элиты?

После появления в эпоху так называемого "Осевого времени" (рамки ее весьма приблизительны, но примерно между VIII и III вв. до н.э.) наиболее ранних выдающихся мыслителей, а также харизматических лидеров в лице великих пророков, которые формулировали основополагающие идеи, на века определявшие нормы жизни и системы ценностей многих народов, массы, воспринимавшие эти идеи, оставались серьезной движущей силой исторического процесса. Не столь важно, что новые идеи, которые ими воспринимались, создавались не самими массами, а высокопочитавшимися ими великими творческими личностями. Гораздо важнее то, что эти идеи на практике *реализовывались именно массами людей, признававших их своими*. Ведь именно это придавало специфику той или иной культурной зоне. В любой пирамидальной иерархической государственной структуре выдающиеся умы как бы вели за собой простых людей. Восприняв мыслительные конструкции великих, которые с течением времени приобретали прочность традиции, народы создавали образцовый пьедестал для культуры. Заняв его, руководившие массами политические элиты управляли, а новые поколения выдающихся мыслителей обретали возможность формулировать новые идеи, соответствовавшие изменившимся обстоятельствам.

По мере развития человеческой цивилизации роль идей и влияние их на темпы и качество жизни людей постоянно возрастали. Лучшие умы человечества способствовали гигантским успехам в сфере науки, техники и технологии, начиная от паровой машины

и электричества и кончая электроникой и космонавтикой. Все эти новации были результатом интеллектуальных усилий немногих высокоодаренных креативных личностей, хотя реализация их выпадала на долю большинства населения. Последнее отнюдь не испытывало при этом комплекса неполноценности, но напротив, вполне основательно считало себя причастным к тому новому, что создавалось его руками.

Словом, нет никаких оснований отводить для нетворческой массы роль стада, ведомого пастырями. Все намного сложнее. Доказательством тому, помимо сказанного, могут служить история войн и в еще большей степени - правда, уже для Средневековья и Нового времени - история массовых крестьянских, религиозных, сектантских и, несколько позже, революционных движений. Хорошо известно, что творческими людьми были многие из великих полководцев, начиная с Александра Македонского, равно как и многие из известных истории вождей массовых выступлений. Правда, такие массовые движения, как Великая французская революция, начинались со стихийных выступлений (штурм Бастилии). И все же основную, даже первостепенную роль в такого рода событиях чаще всего играли выдающиеся индивиды, будь то идеологи, полководцы, политические вожди (правители), которые рано или поздно брали в свои руки руководство массами. И здесь уместно специально поставить вопрос о роли конфликтов, войн и массовых протестных движений в историческом процессе.

Массовые протестные движения в истории

Обращаясь к этой проблеме, необходимо обратить внимание не только на движущие силы исторического процесса, но и на его динамику. Речь идет о непредвиденном стечении *объективных и субъективных обстоятельств*, о тех многочисленных случайностях, которые в состоянии решительно изменить ход истории и, во всяком случае, направление и скорость ее шагов. И роль конфликтов, войн и массовых протестных движений в этом плане необычайно велика. Более того, она явно недооценена в современном обществоведении. Говоря об этом, уместно начать с того, что еще сравнительно недавно в нашей стране едва ли не все обществоведы, следуя Марксу, утверждали, что классовая борьба - что-то вроде локомотива истории. Но можно ли свести общественные конфликты к классовой борьбе?

Ведь под расхожим термином "классовая борьба" марксизм имеет в виду нечто весьма неопределенное и искусственное. Напомню, что в первых строках "Коммунистического манифеста" рассказ о классовой борьбе и классах начинается с перечисления всех возможных конфликтов представителей различных слоев общества. Именно слоев, страт (мастера и подмастерья, патриции и плебеи и т.п.), *но не классов*. И вообще, как марксизм определяет понятие "класс"? Ведь никто никогда не смог дать этому понятию точную дефиницию. Оно характеризуется только описательно, и вполне понятно, почему это так. Понятия "класс" и "классовая борьба" в марксистском лексиконе - нечто вроде заклинания.

Конечно, под лозунгом классовой борьбы марксисты в XIX-XX вв. устраивали массовые выступления и революции, заканчивавшиеся для них победой. Но успешные революции случались и без марксизма, до его появления. Помогают ли принципы, постулированные марксизмом, анализировать социальные конфликты в истории? Классы в каждой из формаций разделены - по Марксу - антагонистическими противоречиями. В античной древности это были, по идее марксизма, рабовладельцы и рабы, в феодальном - феодалы и крестьяне, в буржуазном - рабочие и капиталисты³. Но где в реальной истории классовая борьба этих антагонистов?

Неприятно даже вспоминать, как в сталинские времена отечественные историки из кожи вон лезли, чтобы найти и воспеть выступления рабов против рабовладельцев, а

³ В "азиатском" обществе Маркс не видел ни классов, ни антагонистических противоречий, ибо справедливо не находил там частной собственности западного типа.

крепостных против феодалов. Сколько-нибудь заметные выступления рабов сводились к восстаниям Спартака (целью которого было отнюдь не ликвидация рабовладения как формации, а освобождение от рабства участников восстания) и зинджей (африканцев-рабов), причем последних старались лишней раз не упоминать, ибо корни рабовладения нужно было искать в "рабовладельческой формации" древности, а не в средневековом халифате. К антифеодальным движениям с легкостью относили все массовые протестные выступления, каких в период Средневековья было немало и на Востоке, и на Западе. Но при чем здесь феодализм как формация? Где здесь классы и тем более классовая борьба, суть которой - по духу марксистского учения - в том, чтобы ликвидировать отжившую формацию, создав условия для возникновения новой, более передовой с точки зрения продвижения к коммунизму.

Все дело в том, что движения, о которых идет речь, были очень разными. Участники религиозных войн и выступлений сектантов насмерть стояли за свое понимание религии. Обедневшие крестьяне шли на борьбу, как правило, с единственной целью - восстановить желанную стабильность. В любом случае эти движения не были антифеодальными в привычном марксистском смысле этого понятия, потому что никогда не вели к крушению феодализма как некоей "формации". В то же самое время в средневековой Западной Европе города с их предбуржуазией реально подрывали господство феодальной знати. Именно города в союзе с королями выступали против сеньоров, их таможен и поборов, мешавших свободной торговле. Если вспомнить времена Великой французской революции, то и там не видно выступлений "крестьян против феодалов". Это было движение третьего сословия, горожан, прежде всего парижан, против все той же аристократии, мешавшей развитию городской буржуазии. А в число горожан входили представители многих социальных страт. Горожане - не класс, даже в марксизме. Так где же классовая борьба?

Разумеется, в отечественных работах советского периода ее всегда находили и ставили на должное место. Но это было прямым насилием над фактами. А о чем же говорят факты? Не классовая борьба, а многочисленные и разнообразные массовые протестные движения подчас - как до того локальные вооруженные конфликты - действительно могли быть своеобразными локомотивами истории. Они нередко, хотя и далеко не всегда, играли роль важной движущей силы исторического процесса и заметно влияли на его динамику, иногда ускоряя, но нередко и резко замедляя ход развития человечества. Причем парадокс в том, что замедляли темп исторического процесса чаще всего массовые движения, которые - согласно теории марксизма - должны были быть антагонистическо-классовыми, а потому прогрессивными. Речь идет о крестьянских выступлениях за возврат от эпохи кризиса к "доброму старому времени" с его привычной консервативной стабильностью⁴.

Роль войн в мировой истории

Особо следует сказать о роли войн в истории человечества. Начать с того, что война как столкновение между "своими" и "чужими" восходит к незапамятным временам и генетически связана с хорошо известными аналогичными явлениями в мире животных. Нет сомнений, что жестокие схватки между популяциями происходили и в процессе антропогенеза, причем это столкновения не только между гоминидами разных видов, но и между группами гоминид одного и того же вида. Результатом было, как правило, оттеснение слабых, в частности неандертальцев, в неблагоприятные места, где они чаще всего деградировали и вымирали, сопровождавшееся выдвиганием на авансцену гоминид более развитых видов. Эти последние, то есть сапиентные гоминиды, энергично распро-

⁴ Наиболее часто такого рода движения происходили в Китае, хотя временами случались и в иных странах, в том числе и в России, где к их числу, пусть с некоторыми оговорками, можно было бы отнести пугачевщину, да и иные крестьянские выступления.

странялись по ойкумене, обосновываясь, к слову, не только там, где природная среда была для них наиболее благоприятна, но и - в силу необходимости, в погоне за пищей, например за мамонтами, - в менее благоприятных по климату регионах.

С возникновением общества и появлением ранних этнических общностей между ними нередко шла борьба. И хотя по своей сути она была, видимо, своего рода продолжением спора за наиболее удобные и выгодные районы обитания для той либо иной группы или нескольких родственных групп определенной общности, по форме такого рода столкновения принимали облик конфликтов между "своими" и "чужими". Со временем и по мере укрупнения неструктурированных этнических общностей (еще не имевших всеми признанного вождя и потому не ставших племенами в подлинном смысле этого слова) такого же рода столкновения могли происходить и внутри них.

Все эти схватки, нередко жестокие, играли свою роль в историческом процессе. Неумолимый закон, отдававший победу сильным, стал в обществе - как то было и в мире животных - безжалостным механизмом, определявшим поступательное движение. Для мира животных Ч. Дарвин назвал его естественным отбором. Этот феномен в мире людей хорошо известен как "война". Но особенностью ранних конфликтов и локальных военных схваток было отсутствие общепризнанного руководства. Военачальники появились лишь в протогосударственных образованиях, когда стала выделяться политическая элита. На первых порах именно ее представители, а чаще всего сами вожди, правители возглавляли воинво-дружинников.

Соответственно, и войны между государствами стали иными. Они задумывались и осуществлялись представителями политических элит. И здесь самое время обратить внимание на то, что роль войн в жизни человеческого общества необычайно велика. Это, если угодно, тот самый важнейший элемент непредсказуемой случайности, которая играет огромную роль в динамике исторического процесса. Непредсказуемость исхода войны - пожалуй, самый главный из вероятностных факторов в эволюции мирового сообщества. Став типичной частью жизни государственных образований, как развитых, так и не очень (это касается кочевников), война не раз губила процветающие страны, уничтожала их население и поворачивала ход истории вспять. И хотя на смену одним странам и народам приходили другие, а поступательное движение исторического процесса возобновлялось, роль войн в ходе эволюции трудно переоценить.

Важно обратить внимание на то, что войны бывали разными и по форме, и по причинам их возникновения. Не вдаваясь в детали, стоит все же разделить их на наступательные и оборонительные (в рамках исторического материализма в свое время любили делить войны на так называемые "справедливые" и "несправедливые", исходя при этом из марксистских критериев понимания истории). Но независимо от того, по какому принципу делить войны (если это вообще нужно), они заслуживают оценки как таковые. Конечно, если встать на позиции пацифизма и сохранения мира во всем мире (движения, свойственные в основном XX веку с его двумя самыми страшными мировыми войнами), этот вид человеческой деятельности следует просто решительно осудить. Однако здравый смысл и знание истории показывают, что подобная позиция близка к воспетой М. Сервантесом борьбе "рыцаря печального образа" с ветряными мельницами. Поэтому к оценке войн как вида деятельности нужно отнестись серьезней.

Прежде всего следует признать, что у войн всегда есть причины. Они могут быть весьма серьезными или пустяковыми, вызываться как существенными объективными обстоятельствами, так и просто обострившимися отношениями между соседями. Могут быть связаны с потребностью внутренней консолидации, с желанием отомстить за прошлые обиды и т.п. Поводы для начала войны в принципе бесчисленны, но они, как правило, лишь вторичны. Важно принять во внимание: к войне относились обычно как к чему-то вполне естественному и само собой разумеющемуся. На протяжении тысячелетий участие в ней считалось важнейшим занятием мужской части населения племени или государства. Потребности, связанные с войной (несущественно, шла речь об обороне или о нападении), диктовали выдвижение на передний план целых сословий. Сначала это были группы дружинников, позже - служивших за вознаграждение профессиональ-

ных воинов, будь то древнеиндийские кшатрии, древнекитайские дафу, арабские иктадары, японские самураи, русские дворяне или средневековые европейские рыцари⁵.

Профессиональные воины занимали привилегированное место, пользовались высоким престижем и играли едва ли не наиболее значительную роль в обществе. И это вполне понятно и легко объяснимо. Ведь именно от того, насколько успешно справлялись воины со своими обязанностями, зависела судьба государства. Важно добавить к сказанному, что с течением времени росла роль хорошего вооружения, разрабатывались теории военного искусства. С изобретением огнестрельного оружия войны резко изменили свой характер и стали играть еще большую роль в истории. Не приходится говорить и о том, что со временем возрастала значимость усилий и количество средств, направленных на оснащение армий и изобретение новых, все более страшных орудий и способов уничтожения противника.

Наряду с войнами между различными народами с древности случались войны гражданские, являвшие собой модификацию протестных движений (например, Крестьянская война в позднесредневековой Германии). Они вызывались спорадическими кризисами либо иными причинами, важными для той или другой страны, нередко принимали облик религиозных, сектантских либо крестьянских движений, а в XX в. часто представляли собой столкновения идеологических систем. Те из них, что возглавлялись коммунистами, вовлекали в борьбу, особенно в России и в Китае, огромное количество простого народа (к слову, отнюдь не пролетариата), и силой поворачивая ход истории в доктринальное русло интерпретированного вождями марксизма, приносили неисчислимые бедствия своим странам. Впрочем, после их завершения, пусть далеко не сразу, поступательный ход истории брал свое.

Запад и Восток в историческом процессе

Еще одно важное обстоятельство, определявшее на протяжении веков, даже тысячелетий динамику исторического процесса, заключалось в тех принципиальных структурных различиях, которые резко отличали пути эволюции Запада и Востока. Процессы формирования образа жизни и ментальности людей на традиционном Востоке и Западе со времен Античности существенно различались. Хорошо известно, что в разных условиях и объективных обстоятельствах материальное производство, ценностные ориентиры, образ жизни и ментальность людей были не одинаковыми. Но при всем богатстве различных вариантов необходимо выделить главные и наиболее важные различия, обусловившие принципиальное несходство между традиционным Востоком и антично-капиталистическим Западом.

Необходимо начать с четкого обозначения понятий. Восток здесь и далее трактуется не в географическом, но только в культурно-историческом плане. Рассматривая всемирно-исторический процесс в аспекте взаимоотношений и взаимодействия Востока и Запада, следует признать, что это достаточно извилистый путь. На первых порах, с момента появления на планете самых ранних очагов урбанистической цивилизации, исторический процесс возглавляли государства Востока. Да иных и не было тогда в мире вплоть до возникновения Античности. С Античности, появление которой было результатом великой бифуркации, то есть раздвоения исторического пути человечества, первенство уверенно взял Запад. Что стало наиболее характерным для Античности? В отличие от подданных деспотических правителей стран Востока граждане античной Греции были свободны (хотя существовали и категории несвободного населения). Более того, они не только не имели правителей, склонных к деспотизму, но сами принимали участие в управлении своими полисами, будучи обязанными избирать и имевшими пра-

⁵ Разве что в типологически ранних обществах специфического типа, как в античных полисах, где воином становился каждый гражданин, или у кочевников, где воевал каждый сидящий на коне взрослый мужчина, ситуация была иной.

во быть избранными в административные органы, управлявшие ими. Свобода как понятие и наивысшая ценность античного мира определила собой всю его структуру. Античный Запад в отличие от традиционного Востока, как древнего, так и более позднего, вплоть до наших дней, имел выработанные гражданами четкие законы, правомочный суд, а также правовые нормы, привилегии и гарантии для ведения рыночно-частнособственнических отношений, которые играли первостепенную роль в жизни Древней Греции.

Обмен и рынок, как и частная собственность, были знакомы и древневосточным обществам. Однако необходимо принять во внимание, что и рыночные отношения, и тем более индивидуальная частная собственность на традиционном Востоке исстари, с момента появления там самых древних государств, находились под строгим контролем аппарата администрации и были лишены не только свободы, но и элементарной правовой защиты. Поэтому, несмотря на развитие обмена и рыночно-частнособственнических отношений на Востоке, *подданные* восточных правителей не имели тех возможностей, которыми с появления древнегреческих полисов владели *граждане*. Частная собственность и рыночные отношения здесь были как бы оскоплены аппаратом власти и потому не имели перспективы для развития, какой обладали эллины. Эти принципиальные структурные различия во многом способствовали быстрому развитию античного общества. Более того, они сыграли немаловажную роль в трансформации Ближневосточного региона после завоевания его Александром Македонским и превращения в некую *уподобленную Греции* систему эллинистических государств.

Как известно, античная Греция сыграла решающую роль в появлении древнеримской республики, а затем и Римской империи, завоевавшей уже эллинизованный греками и македонцами Ближневосточный регион. Правда, господство римлян, как и существование самой империи, расколовшейся в IV в. на две части, восточную и западную, было не слишком долговечным. Но римляне все же успели христианизировать немалую часть эллинизованного Востока.

Крушение Западной части империи в V в. и постепенная ориентализация Византии поставили под сомнение перспективную роль античного Запада в истории. Выход на передний план арабо-мусульманской цивилизации, умело вобравшей в себя в завоеванном арабами Ближневосточном регионе наследие античной Греции и покоренной Александром Персидской империи, снова изменил направление и динамику исторического процесса, во главе которого на ряд веков стали богатые и процветавшие государства Востока - от арабов до Китая. И лишь с эпохи Ренессанса, Реформации и Великих географических открытий первенство во всемирно-историческом процессе вновь перешло к Западу в лице его нескольких бурно развивавшихся новоевропейских стран.

Дело в том, что весьма важный для человечества переломный исторический период после эпохи Великих географических открытий был тесно связан с интересами только что появившихся на свет первых европейских буржуа. На страже их интересов стояли мощные государства, стремившиеся получать прибыль от овладения ценностями и от торговли продуктами, которыми был столь богат неевропейский мир (вспомним, что Колумб открыл Америку, пытаясь найти морской путь в Индию). Эти богатства оказались весьма разнообразными, от золота и серебра Нового Света до восточных пряностей. Но именно в погоне за ними динамичная Европа, причем вначале далеко не вся, стала быстро богатеть, а затем энергично развиваться. Собственно, только после этого она начала заметно обгонять державы Востока с их традиционным культом консервативной стабильности и удовлетворенности *status quo*.

Прошел ряд столетий, на протяжении которых исторический процесс был едва ли не полностью процессом ускоренной эволюции трансформировавшегося Запада. Эпоха Нового времени (XVI - середина XX в.) была периодом триумфа Запада в истории. Именно в этот исторический период резко ускорилось развитие человечества, причем в основном, если даже не исключительно, за счет достижений интеллекта представителей западной цивилизации. Были заложены основы современной науки и многих успехов в сфере культуры, будь то развитые формы литературы и искусства, медицина и элемен-

тарная гигиена, образование или бытовые удобства. Страны Запада в этот исторический период господствовали абсолютно. Именно они указывали путь всему человечеству. Мало того, благодаря набранным западными странами темпам, шаги истории резко ускорились. Они стали явственными, очевидными для всех. Человек, родившийся на свет в середине XIX в., став взрослым, был уже неплохо знаком с железными дорогами и телеграфом, затем с телефоном, фонографом и граммофоном, чуть позже с радио, автомобилями и самолетами. За считанные десятилетия далеко в прошлое ушли времена, когда вокруг света можно было объехать за 80 дней, прилагая для этого - как то детально описано в романе Ж. Верна - неимоверные усилия. В 1920-х гг. Ч. Линдберг пересек Атлантический океан всего за сутки с небольшим.

Что же касается Востока, то он со своим традиционным стремлением к стабильности, подчас переходившей в стагнацию, едва ли не целиком оказался в зависимости от западного мира. Многие восточные страны были превращены в колонии. Период колониализма обычно огульно осуждают, и это можно понять. Ведь мало приятного, когда иноземцы бесцеремонно демонстрируют свое преимущество, особенно подкрепляемое военной силой, навязывают чужой стране свои нормы жизни. Но стоит заметить, что именно влияние передового Запада способствовало появлению на колониальном и зависимом Востоке многих полезных нововведений. Достаточно напомнить о науке и технике, вложении капиталов и развитой торговле, о промышленных предприятиях, железных дорогах и всей современной инфраструктуре, о школьном образовании и университетах, наконец, о здравоохранении и элементарной гигиене, которые способствовали падению смертности и ускорению темпов прироста населения.

Восток отнюдь не всегда приветствовал такого рода перемены. Многие стойко держались за традиции прошлого и открыто выступали против едва ли не любых нововведений. Но исторический процесс, движимый усилиями Запада, делал свое дело. Как бы то ни было, но все упомянутые и многие иные нововведения прижились, и это сыграло едва ли не решающую роль в тех серьезных переменах, которые происходили в мире в период Нового времени. Высокоразвитое индустриальное общество дало всему человечеству очень многое. Логично было бы ожидать, что близки времена всеобщего благоденствия. Но благоденствия не получилось. Получилось нечто обратное.

Именно в начале XX в. произошла Первая мировая война, которая породила как бы в наказание чересчур энергично развивавшемуся человечеству две страшные и успешные тоталитарные идеологии, завоевавшие власть в двух крупных державах, стремившихся подчинить себе остальной мир, - России и Германии. Вторая мировая война стоила многих десятков миллионов жертв. Итогом этой войны стало крушение одной из упомянутых тоталитарных идеологий и появление смертоносного ядерного сверхоружия. Все это принес миру процветавший Запад, казалось бы, так много сделавший для успешного развития человечества.

Запад и Восток в современном мире. Изменение очертаний исторического процесса

На рубеже тысячелетий извечная проблема взаимоотношений и противостояния Запада и Востока по многим причинам вновь обострилась, а ход и направление исторического процесса в очередной раз существенно изменились. Достаточно сказать, что век ракетно-ядерных технологий, равно как и демонстрирующей чудеса электроники, оставил позади эпоху индустриальных достижений. Мир вступил в постиндустриальный период развития, изменивший соотношение сил как между развитыми странами (достаточно напомнить о неудачах, преследующих нашу страну), так и между Западом и Востоком. Как Запад, так и Восток стали сегодня иными и быстрыми темпами продолжают меняться.

В этой связи нельзя не заметить, что в большинстве сводно-аналитических работ, за исключением разве что труда А. Тойнби, внимание, уделявшееся в XX в. истории стран Запада, неправомерно и намного превосходит то, что обычно доставалось цивилизации-

ям Востока. Иными словами, едва ли не во всех работах обобщающего характера, и прежде всего в учебниках, Запад до недавнего времени, а кое-где и кое в чем сегодня, преобладает подчас практически абсолютно.

Конечно, для этого есть свои веские причины. Несколько последних столетий история двигалась наиболее энергично и динамично прежде всего благодаря усилиям западной антично-христианской цивилизации, олицетворением которой были свобода, права индивида-гражданина и связанные с этим развитые и надежно защищенные законом, правовыми нормами и независимым судом рыночно-частнособственнические отношения, отчетливое стремление к демократическим формам управления государством и обществом. В итоге европейская антично-капиталистическая цивилизация и особенно жизнь многочисленных городских центров и наиболее развитых государств Запада в целом опережали стремившиеся к консервативной стабильности многие весьма богатые и развитые империи Востока.

Именно это весьма немаловажное обстоятельство может служить если и не оправданием, то во всяком случае объяснением бросающегося в глаза европоцентризма в описании исторического процесса, который особенно заметен в сочинениях, имеющих отношение к истории Нового времени, капитализма и колониализма. Между тем справедливость, да и интересы человечества в целом настоятельно требуют уделить должное внимание Востоку, особенно сегодня, когда ситуация в мире быстрыми темпами изменяется.

Нельзя, в частности, не обратить внимания на то, что неевропейский мир, многое получивший от Запада за века колониализма, давно и обстоятельно внутренне готовился к сопротивлению западным колонизаторам. Он медленно, но порой весьма успешно (вспомним Японию) приспособлялся к незнакомому ему до того формам повседневного существования, созданным Западом. Эти формы сильно изменили образ жизни, особенно в странах, бывших наследниками древних восточных цивилизаций. При этом, однако, важно принять во внимание, что свои религиозно-цивилизационные принципы, пусть в разной степени и в различной форме, народы неевропейских стран, как правило, заботливо сохраняли. И нет ничего удивительного в том, что, когда конец Второй мировой войны привел Восток к эпохе деколонизации, страны неевропейского мира стали одна за другой энергично включаться в мировой исторический процесс.

Включались они по-разному, причем многое зависело от того, какими были сохраненные этими странами традиции. На Дальнем Востоке, где практически не было сильных религий, но зато огромную роль играли этико-идеологические доктрины, нашла благоприятные условия бацилла коммунизма. В странах индо-буддийского мира большую роль сыграло влияние вестминстерской традиции демократической Британии. В Латинской Америке с ее слабой доколумбовой цивилизацией приспособление к новым условиям приняло форму практически полного принятия чужой религии (католицизм) и соответствующих принципов культуры, что, впрочем, не помешало многим из стран этого континента сегодня довольно быстро развиваться. А в мире ислама, который вроде бы доктринально весьма близок к христианству и даже в чем-то родствен ему, произошло нечто обратное: религия и тесно связанные с ней нормы повседневного существования мусульман сохранили почти целиком свою культурную среду и привычный образ жизни. Более того, ислам оказался наиболее враждебно настроенным по отношению к Западу с его моральными стандартами, что с особой силой проявило себя в наши дни.

Как бы то ни было, но в итоге сегодня оказалось вполне закономерным выдвижение на передний план истории ведущих цивилизаций Востока. Оно привело к тому, что спустя всего полвека после деколонизации исторический процесс достаточно заметно изменил свои очертания. В нем стал отчетливо выделяться Восток, который представляет ныне 80 - 85% населения планеты. И это не тот традиционный Восток, каким он был вчера, не говоря уже о более далеком прошлом. Во-первых, это такие развитые державы дальневосточного мира, как Япония, Китай, Южная Корея и ряд других, менее крупных. Во-вторых, - это быстрыми темпами успешно развивающаяся и набирающая силы

Индия, строго придерживающаяся демократических стандартов. В-третьих - ряд успешно развивающихся стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки⁶. Наконец, в-четвертых, богатые нефтью страны ислама.

Пути развития этих регионов очень разные. Одни (это прежде всего Япония и ряд других стран дальневосточного региона с характерной для него китайско-конфуцианской цивилизацией, включая и Китай), многое взяв у Запада и кое в чем даже опережая его, находят гармоничные формы сочетания своего и чужого, что явно идет им на пользу. Другие, прежде всего страны индо-буддийского мира, менее заинтересованы в заимствовании, но в силу традиции относятся к Западу и ко всем внедряемым с его помощью новшествам нейтрально либо вполне позитивно, что способствует их развитию. Третьи, как многие страны исламского мира, - нашли себя в толковом распоряжении богатыми ресурсами, в которых нуждается весь остальной мир, и в умелом использовании миллиардов нефтедолларов, с помощью которых в этих странах была создана высококачественная инфраструктура с обеспечением безбедной жизни местного населения. Четвертые, наподобие государств Латинской Америки, быстро встают на ноги с помощью своих богатых соседей, в частности США. Разве что страны Африки южнее Сахары и рады бы заимствовать новшества, обещающие им приличное существование, да пока не в состоянии успешно справиться с этим.

Перспективы близкого будущего

Словом, вариантов немало. Но итог в целом, как-то ни покажется парадоксальным, достаточно печален. Во-первых, Восток все еще сильно отстает от динамичного Запада, а во-вторых, будучи "разбуженным", он попал в нечто вроде ловушки. Дело в том, что современная медицина и санитария, другие культурные заимствования освободили Восток от угрозы вымирания. Но, сохранив веками вырабатывавшуюся для преодоления этой угрозы высокую рождаемость, именно Восток (особенно беднейшие страны) ныне столь энергично воспроизводится, что планета уже скоро не будет в состоянии справиться с давлением чрезмерно разросшегося населения. Проблемы Востока становятся глобальными.

Справедливости ради стоит заметить: еще в XIX в. Н. Данилевский, а в начале XX в. О. Шпенглер энергично обращали внимание на то, что Западу грозит упадок, что он - лишь мнимый центр мира. В то далекое уже время эти мрачные суждения не вызвали заметного отклика. И это естественно, ибо именно XX в. показал величие и был - несмотря на страшные войны - свидетелем расцвета западных техники и культуры. Ф. Фукуяма даже некоторое время назад писал о том, что западный либерализм не может быть превзойден и кем-либо преодолен вообще. Но так ли это на самом деле?

Как бы то ни было, но современный Запад в наши дни оказался под сильным давлением со стороны и самих стран Востока, и процесса миграции выходцев из восточных стран, в большом количестве оседающих в западных государствах. По меньшей мере часть, причем количественно довольно большая, этих людей сегодня оказалась враждебно настроенной к тем самым буржуазным либерально-демократическим ценностям и связанной с ними культурной традиции, о безусловной победе которых писал Фукуяма. Их слабость выявили события 11 сентября 2001 г., когда в США небольшой группой исламских террористов были уничтожены символы величия и процветания этой могущественной державы.

Фундаменталистский радикальный ислам (исламизм, как его все чаще сегодня именуют) в лице своего авангарда, экстремистски настроенных террористов, прежде всего шахидов, с легкостью готовых идти на смерть ради великой цели, бросил вызов Западу. Культура смерти, как ныне многие определяют ситуацию в мире на рубеже XX-XXI в.,

⁶ Есть достаточно оснований типологически объединять Латинскую Америку со странами Востока на всем протяжении ее не слишком длительной истории.

мрачно витает над планетой. Содержание этого термина широко. Он затрагивает многие реалии современного мира, включая демографический взрыв, экологический коллапс, кардинальные изменения климата, пандемии и т.п. С ним тесно связаны и вроде бы не имеющие отношения к смерти сексуальная революция и разгул наркомании в развитых странах (торопитесь жить и наслаждаться жизнью, пока живы!). Но главное все же - это шахиды. Они торгуют смертью, стремясь продать ее как можно дороже.

В итоге создается достаточно пессимистическая картина. Радикальный ислам одерживает над Западом впечатляющие победы в Ираке, Афганистане, Палестине, на Кавказе, наносит болезненно ощутимые удары по развитым странам Запада в Великобритании, Испании. Западный мир сегодня уже не может быть спокоен, ибо оказался крайне уязвим. Со своими либерально-демократическими нормами существования он стал ныне не только легкодостижимой, но и практически беззащитной целью, ибо неизвестно, где завтра будет нанесен очередной кровавый удар по мирному населению и как можно было бы его предотвратить. Ситуация в наши дни такова, что надежного выхода из создавшегося тупика пока не видно...

Практически это значит, что на рубеже второго и третьего тысячелетий исторический процесс резко повернул в сторону острого конфликта между Западом и значительной частью исламского Востока. История жестоко посмеялась над самонадеянностью Запада, долгое время не принимавшего всерьез страны Востока. А наиболее воинственная и активная часть последнего, во многом усилившись за счет западной культуры и умело используя в своих интересах либеральные нормы Запада, перешла в наступление. Касаясь истории как процесса и ее смысла, который так долго искали историки разных эпох и народов, стоит с немалой тревогой заметить, что если и не прав Фукуяма, то лишь в том, где именно и в чем именно он видел признаки конца истории.

Эти признаки становятся все более зримыми. Они сводятся не только к проблемам демографии, экологии, катаклизмов (включая пандемии, озоновые "дыры" или глобальное потепление). К числу проблем, стоящих сегодня перед миром, относится не очень ясное будущее быстро растущих и в крайней степени перенаселенных (свыше миллиарда жителей в каждом) таких государств, как Китай и Индия с их сложными, хотя и не очень заметными внутренними проблемами. Проблемой остается отсутствие четких очертаний политического взаимодействия Запада с Россией. Но наибольшая угроза завтрашнему дню - это непредсказуемое поведение воинствующих представителей ислама, ставшее много более опасным после того, как в него внес свою весомую лепту Иран.

Вкупе все перечисленные угрозы и объективные проблемы ставят под вопрос дальнейший ход исторического процесса. Каким будет этот процесс и к чему он сможет привести человечество всего через несколько десятилетий, неясно. Но пророчество о конце истории, высказанное вроде бы не вполне серьезно и имевшее форму некоей метафоры, к сожалению, вполне может стать реальностью. Человечество вправе, конечно, надеяться на лучшее. Потенциал современного мира еще далеко не исчерпан. Но случайности в истории играют, как известно, весьма значительную роль. Особенно если такого рода случай не предусмотреть заранее, приняв необходимые меры. Однако какие именно меры могут оказаться действенными? Мы живем в опасное время. Быть может, в самое опасное в истории. И от нас самих, от всего человечества зависит, продолжится ли жизнь наших потомков на этой планете. Будем надеяться на лучшее. Но не забудем и о том, что мир никогда еще не был так близок к бездонной пропасти, к своего рода Апокалипсису, как сегодня.